

The book cover features a vibrant pink top border with a green ribbon bow and a heart containing the Russian text 'Светлана Лудекец'. Below this, a blue background depicts a man and a woman in modern attire dancing in a ballroom. The man is wearing a grey blazer and black trousers, while the woman is in a purple jacket, pink dress, and red tights. In the background, several couples in 18th-century period clothing are also dancing. The floor is decorated with circular patterns. The title is written in large, bold yellow letters across the middle of the cover.

Венский вальс для мечтательницы

Светлана Лудекец

Только для девчонок

Светлана Лубенец

Венский вальс для мечтательницы

«ЭКСМО»

2014

УДК 82-93
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

Лубенец С. А.

Венский вальс для мечтательницы / С. А. Лубенец — «Эксмо»,
2014 — (Только для девчонок)

ISBN 978-5-699-74559-3

Лиза совершенно неожиданно для себя стала одной из финалисток литературного конкурса. Да еще какого! Конкурс «Молодые голоса в Вене» ежегодно проводится в столице Австрии. Девочка сразу же влюбилась в роскошный имперский город, и не только в него... Она не могла забыть молчаливого красавца, с которым неоднократно встречалась глазами. Сможет ли Лиза рассчитывать на взаимность? К тому же, кажется, у нее есть соперница. За несколько дней Лизе придется сделать почти невозможное: завоевать приз престижного международного конкурса и сердце понравившегося мальчика!

УДК 82-93
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

ISBN 978-5-699-74559-3

© Лубенец С. А., 2014
© Эксмо, 2014

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.	20
-----------------------------------	----

Светлана Лубенец

Венский вальс для мечтательницы

© Лубенец С., 2014

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2014

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

* * *

Октябрь выдался холодным и мокрым. Редкие, но сильные порывы ветра срывали с деревьев целые охапки листьев, и они сразу приклеивались к черному мокрому тротуару. Лиза шла, осторожно перешагивая через листья клена, похожие на желто-рыжие звезды в ночном небе. Ей не хотелось пачкать их подошвами кроссовок. Из придорожных кустов показалась пушистая мордочка с настороженными ушками и встопорщенными усами. Кошка, оценив диспозицию, видимо, посчитала девочку несерьезным препятствием, храбро бросилась ей наперерез и исчезла в кустах напротив. На одном из кленовых листьев, по-особенному ярко-желтым, остался темный отпечаток ее маленькой лапки. Лиза тяжело вздохнула и перестала следить за тем, куда ступают ее кроссовки. На самом деле она вздыхала вовсе не из-за кошки, испортившей кленовую звездочку. И даже не из-за того, что та перебежала ей дорогу. Кошка ведь была не черной, а рыжей – в цвет осени. Сегодня в школе Лиза опять поссорилась с одноклассниками. У Марины Токаревой через два дня день рождения, и девчонки попросили Лизу написать для подруги поздравительные стихи.

– Я уже сто раз говорила вам, что не пишу поздравлялок! – довольно раздраженно отозвалась Лиза.

– А я тебе уже сто раз говорила, что хватит изображать из себя неземное существо! Кому интересны твои стишки про небо, звезды, охи и ахи! – презрительно выпалила Даша Макаренко.

– Я и про «ахи» не пишу...

– Да ладно! Слышали мы твои перлы на литературе. Я, например, в них ничего хорошего не нахожу! А Маринка – классная девчонка! Почему бы ее не поздравить красиво? Тебе трудно, что ли?

– Если тебе стихи в принципе не нравятся, почему ты хочешь вручить Токаревой стихотворное поздравление?

– Потому что так принято! Ты ведь видела, что сейчас даже открытки продаются с готовыми стихами!

– Можно и купить со стихами!

– Ну как ты не понимаешь?! – Даша здорово рассердилась. – Такие открытки – штамп, их всем покупают, а подруге надо что-нибудь индивидуальное! Чтобы не как у всех! Чтобы от сердца!

– Можно хорошо поздравить прозой! – не сдавалась Лиза.

– Правильно ли я понимаю, что писать стихи ты опять не будешь? – Макаренко зло сощурилась.

– Не буду...

– Ну... ну и... иди отсюда... Дождешься ты от нас чего-нибудь на свой день рождения – как же! Держи карман шире! Пошли, девочки! – И Даша увела за собой стайку одноклассниц, которые молча слушали ее перепалку с Лизой Ромашовой.

И Лиза пошла... Она спустилась в гардероб, сдернула свою куртку с вешалки и выбежала на улицу. И вот теперь она идет и... безжалостно давит листья...

Девочка опять посмотрела на свои ноги. К черной кроссовке приклеился маленький листик. Из-под подошвы жалко торчал его тонкий коричневый хвостик. Лиза приподняла ногу и отлепила листок. Он тоже был кленовым, но очень маленьким. Его уродовал жирный след рифленой подошвы, он походил на безжалостно расплющенное живое существо. Лиза вздрогнула и отбросила от себя листок. Ну что за характер такой – во всем видеть какие-то несчастья, трагедии, то, чего и нет вовсе! Ведь это абсолютно нормальное осеннее дело – листопад! Вовсе не трагичное, а даже нарядное! Мокро – да! Холодно – да! Но одновременно и красиво! Вон деревья какие разноцветные! Осень – настоящая модница!

Лиза остановилась посреди тротуара. На нее налетел молодой парень, чертыхнулся, буркнул ей что-то злое, но девочка уже не замечала ничего. В ее голове рождалось стихотворение:

Осень застыла с прической смешною...
Серьги цветные с утра примеряя...

Под очередным резким порывом ветра взвился конец небрежно завязанного Лизой шарфа, а с соседнего куста посыпались и тут же облепили тротуар мелкие золотые листочки какого-то кустарника, будто денежки...

Пестрые улицы выгнули брови...

– Ветер прошелся, монетки теряя... – прошептала девочка. Она наконец тронулась с места и пошла домой, отмечая по пути и серебристую раздутую тучу, и размноженные отражением в воде пруда пылающие кострами деревья. На первом этаже подъезда дома, где жила Лиза, прямо на батарее, убрав под себя лапки, грелась дворовая кошка – не рыжая, как та, что перебежала ей дорогу, а самой рядовой серо-полосатой расцветки. Кошка была довольно грязной, но сидела торжественно и бесстрашно, будто царица на троне. Она даже не повернула к Лизе головы, когда та погладила ее спинку, а лишь слегка скосила желтый, тоже под стать осенним листьям глаз с черной полоской зрачка. Девочка нырнула в подъехавший лифт, в коридоре квартиры пристроила школьный рюкзачок под вешалкой, не снимая кроссовок, бросилась к своему столу и на листе бумаги для принтера стала записывать стихотворение:

Осень застыла с прической смешною,
Серьги цветные с утра примеряя.
Пестрые улицы выгнули брови,
Ветер прошелся, монетки теряя.
Вместо дождя вдруг музыка хлынула,
В фуге певучей умножились липы,
И улетели б и землю покинули,
Но к листьям сырым листами прилипли.
Воздух звенящий, дрожащий и колкий,
Туча блестящим плывет дирижаблем,
На батареях подъездов безмолвно
Замерли кошки, как сфинксы, державно¹.

Лиза пробежала глазами только что написанный текст. А почему вдруг в стихотворение сама собой вклинилась фуга? Родители пытались учить ее игре на пианино, которое принадлежало еще бабушке, но дело у Лизы не пошло. Мама решила не настаивать, а папа, как всегда, согласился с мамой. Не хочет девочка – не надо! Зачем насиловать! Пусть пишет свои стихи! Именно мама с папой были первыми слушателями и ценителями Лизиных стихов. Остальные, как и Дашка Макаренко, считали, что Ромашова занимается никому не нужной в настоящее время ерундой.

Пианино так и стояло в Лизиной комнате, исполняя роль каминной полки. Наверху была расставлена нехитрая подростковая косметика, фарфоровые фигурки ангелов, которые девочка очень любила, и рамочки с фотографиями. На крышку, прикрывающую клавиши, Лиза складывала книги, тетради и... что придется... Ей казалось, что она ничего не запомнила из теории музыки, а вот поди ж ты – когда понадобилось, всплыл нужный термин. Фуга – такое музыкальное произведение, в котором одна музыкальная тема повторяется несколькими голо-

¹ Здесь и далее стихи автора.

сами, то есть как бы умножается... Вот и деревья в стихотворении умножились своими отражениями... Надо же! Оказывается, никакие знания не бывают лишними и бесполезными!

Лиза прошлепала обратно в коридор, разделась, взяла рюкзак и вернулась в комнату. Обедать не хотелось. Наверное, перебила аппетит коржиком из школьной столовой. Что ж, это даже лучше! Не надо терять времени на еду, можно стихотворение распечатать и... А что «и»? Куда их девать-то, эти стихи, которые только маме с папой и нужны? Может быть, стоило все же поднапрячься и написать для Маришки поздравлялку? Она и в самом деле очень хороший человек! Да, но потом от этих поздравлялок вообще не отделаешься. В их классе тридцать шесть человек... Если каждому писать, да еще стараться по-разному... Нет, пусть одноклассники наконец запомнят, что зарифмованные строчки – это вовсе не стихи! Это... это ерунда... чужь... галиматья... На самом деле, лучше от души написать прозой. И не «поздравляю» и «желаю», а что-нибудь совсем другое... И что же, например?

Лиза перевернула листок с только что записанным стихотворением и на обратной стороне начала сочинять прозу, безжалостно вымарывая написанное и записывая новое. Потом очередной раз перечеркивала и придумывала новый вариант. В результате многочисленных попыток у нее получилось следующее:

*«Дорогая наша Маришка! Сегодня день твоего рождения! Пусть он для тебя будет таким же ярким, как осенние деревья, таким же щедрым на подарки, как ветер, бросающий под ноги разноцветные листья. Мы тебя очень любим и рады, что ты – наша подруга! Подарок наш очень скромный, но мы выбрали его для тебя от всей души!
Твои одноклассницы».*

Еще раз прочитав поздравление, Лиза осталась им довольна. Они действительно купили Токаревой скромный подарок (карманные деньги у всех невелики) – маленький кулончик. Он представлял собой серебристую птичку с распахнутыми крылышками, прикрепленную к тонкой цепочке крохотным сверкающим стразиком. Лиза сама была бы не прочь носить такое украшение. Можно, конечно, попросить у родителей денег, но нельзя. Маришка должна одна ходить в таком кулоне, иначе подарок теряет свой смысл.

Лиза вздохнула, достала мобильник и набрала номер Макаренко.

– Ну и чего тебе надо? – неприязненно произнесла Даша.

Лизе очень захотелось отключиться и даже запустить телефоном в стену, но она себя сдержала и, стараясь не повышать голоса, предложила:

– Может, послушаешь текст поздравления для Маринки?

– Неужели снизошла? – недоверчиво проговорила Макаренко.

Лиза не стала ее предупреждать о том, что текст не стихотворный, а просто прочла написанное. Мобильник долго молчал, а потом все-таки раздался голос Даши:

– Ну... вообще-то... ничего... Пожалуй, сгодится... Жаль, конечно, что не стихи... Но... в общем, принимается!

Лизино настроение улучшилось, и даже прорезался аппетит. Отключившись, девочка запустила ноутбук. Пока он загружался, она сбегала в кухню и поставила в микроволновку мисочку с супом.

Войдя в свою почту, Лиза обомлела. На последнем, еще неоткрытом ею письме стоял гриф «Важно!». Тема письма гласила: «Ваша подборка в коротком списке!» Девочка посмотрела на адрес отправителя. Ей прислали письмо из Австрии, с русскоязычного литературного конкурса «Молодые голоса в Вене». Трясущейся рукой Лиза с трудом навела курсор мышки на письмо и сделала клик. Она несколько раз перечитала его с начала до конца, пока наконец до нее дошел смысл написанного. Подборка стихов, которую она посылала на этот конкурс, в числе еще десяти вошла в список лучших. Всю десятку юных поэтов приглашали в столицу

Австрии, Вену, чтобы в торжественной обстановке назвать имя победителя и двух лауреатов. Лизе захотелось плакать...

Приглашенная в Вену еле дождалась с работы родителей. Первым пришел папа.

– Меня пригласили в Австрию! – сразу выпалила Лиза, когда Игорь Михайлович только-только переступил порог.

– И кому ж ты там нужна? – удивился он.

Пока он раздевался, Лиза тараторила без умолку.

– Ну что ж, раз такое дело, надо ехать! – резюмировал Игорь Михайлович.

Лиза повисла у него на шее. Именно в этот момент в квартиру вошла мама.

– Какая трогательная сцена! – Ирина Алексеевна рассмеялась и, нарочито сдвинув брови, спросила: – А меня в этом доме кто-нибудь обнимать будет?

Лиза с отцом вместе обняли маму, и девочка единым духом выдала:

– А я еду в Австрию! Папа сказал, что надо ехать, раз я вошла в короткий список.

Поскольку мама тоже не знала про то, что дочь посылала свои стихи на конкурс, ей пришлось все рассказывать с самого начала. В отличие от отца, мама выразилась односложно, но решительно и категорично:

– Нет!

– Что «нет»? – осторожно переспросила Лиза.

– Ты никуда не поедешь!

– Почему? – Глаза девочки мгновенно наполнились слезами, которым она огромным усилием воли не позволила тут же пролиться.

– Потому что никто не может с тобой поехать... то есть полететь! Ни я, ни папа! У нас работа!!

– Так еще можно договориться... Лететь надо через неделю... как раз начнутся каникулы. Даже школу пропускать не придется. Визы у нас есть...

– Меня никто никуда непустит! – сказала Ирина Алексеевна. – В отпуске я уже была, а через две недели на мне будут целых два участка!

Лизина мама работала участковым терапевтом в соседней поликлинике, и ей действительно часто приходилось работать за коллег, ушедших в отпуск.

– А ты, папа... – с трудом прошептала расстроенная Лиза.

– А я... – Игорь Михайлович явно не знал, куда девать глаза. – Я думал, мама с тобой слетает... У меня проект горит... Ты же, доченька, знаешь... Как раз через две недели срок сдачи...

Папа был сотрудником научно-исследовательского института. Его отдел уже давно проектировал новую модель карьерного экскаватора. Папа часто брал чертежи домой и работал с ними на кухне, когда Лиза с мамой уже ложились спать.

– И как же... – вырвалось у Лизы, и она залилась слезами, убегая из коридора к себе в комнату. Там она упала на диван, уткнулась в плюшевую подушку в виде сиреневой черепахи и целиком отдалась своему горю. Это ж как можно не поехать в Австрию! Их же всего десять человек – претендентов на победу в поэтическом конкурсе, на который, как написано на сайте, было прислано свыше двух тысяч работ! Все приедут, прилетят, а она – нет... А вдруг именно ей, Лизе Ромашовой из Санкт-Петербурга, достанется первое место, а медаль или знак победителя некому будет вручить! А может быть, ее вообще в расчет не станут брать, если ее не будет в Вене!

Лиза горько плакала, но все же одновременно умудрялась прислушиваться к спору, который в коридоре затеяли родители. Поскольку слышно было плохо, пришлось срочно прекратить рыдать, но сквозь плотно закрытую дверь, кроме отдельных слов, все равно ничего нельзя было разобрать, и девочка решила плакать дальше. Это получилось легко – очень уж ей было себя жалко.

К ужину Лиза из своей комнаты не вышла, хотя слышала мамин голос из кухни:

– Семья! К столу! Все готово!

Через некоторое время за Лизой пришел папа. Он подсел к ней на диван, погладил по волосам и виновато сказал:

– Ну ладно тебе, Лизочек... Подумаешь, какая-то Австрия... Чего там хорошего-то... Одни австрияки...

Лиза отняла от лица промокшую черепаху и с укоризной в голосе произнесла:

– Вот что ты такое говоришь, папа!

Тут в комнату вошла мама, уперла руки в бока и спросила:

– И сколько мне вас ждать? Все же стынет!

– Я не буду ужинать, – буркнула Лиза и опять уткнулась в сиреневый бок черепахи. Слез уже не было, но и аппетита тоже, несмотря на то, что та порция супа, которую она после школы поставила разогреваться в микроволновку, съедена так и не была.

– Объявляешь голодовку в знак протеста?

– Нет... Просто не хочу...

– Лиза! – Мама подсела к дочери на диван рядом с мужем. – Мы с папой действительно не в состоянии лететь с тобой в Вену, и ты не можешь этого не понимать!

Девочка села на диване, поджав колени и прижимая к животу свою черепаху. Опять всхлипнув, она спросила:

– Мама! У тебя хоть когда-нибудь хоть кто-то из знакомых побеждал в поэтическом конкурсе?!!

– Нет... Но ты же еще не победила! Ты только вошла в короткий список! – наставительно сказала мама.

– А кто-нибудь из твоих знакомых когда-нибудь в такой список входил? Да еще в Австрии?

– Нет, но...

– Вот! А я вошла! И если вы не можете со мной лететь – ничего страшного! Мне уже не пять лет и даже не десять, а почти пятнадцать! И вы вполне можете посадить меня в самолет!

– Ну... прилетишь ты в чужой стране в аэропорт, и что дальше? Надо же и контроль пройти, и багаж получить, а ты языка не знаешь!

– Когда мы ездили в Финляндию и летали в Турцию, тоже ни финского, ни турецкого не знали. Но как-то справились! – не сдавалась Лиза. – Я пойду вслед за другими пассажирами, и все получится! Мы ведь именно так и делали в Турции!!

– Ира... – осторожно начал Игорь Михайлович, все так же искоса поглядывая на жену, – в Турции, если ты помнишь, нас в аэропорту встречал представитель отеля и держал над головой табличку с его названием. Заблудиться было просто невозможно! И, когда собрались уезжать домой, микроавтобус в аэропорт был подан прямо к отелю!

– А вас будут встречать в Вене? – спросила Лизу мама.

Девочке показалось, что дело сдвинулось бы с мертвой точки, если бы их действительно встречали, но на венском сайте было написано другое.

– Они не могут нас встречать, так как мы должны прилететь из разных стран и городов! Как они нас встретят-то?

– Вот! – Ирина Алексеевна победно взглянула на мужа: – Я так и думала! Эти юные дарования не по путевке летят! Кому они нужны? Действительно, не набегаясь всех встречать, машину еще для каждого гонять! Сколько в конкурсе было номинаций? – этот вопрос она уже задала дочери.

– Ну... я не считала... – промямлила Лиза. – Поэзия... проза... публицистика... исследовательская работа... Может быть, я что-то еще забыла, но четыре – точно...

– Множим четыре на десять победителей в каждой номинации, выходит – сорок человек... Кто-то заболеет или по другой причине не сможет прилететь... Пусть останется тридцать пять. Тоже много! Разумеется, никто не будет встречать в аэропорту тридцать пять разных рейсов! А потому я считаю тему закрытой!

Ирина Алексеевна резко рубанула рукой воздух, поднялась с дивана, еще раз пригласила семью на ужин и вышла из комнаты.

– Лизочек, а ты не узнавала, есть ли еще кто-нибудь из Питера в коротких списках? Ну... хотя бы в другой номинации? – спросил Игорь Михайлович. Дочь поняла, что отец хочет ей помочь – пристроить к какой-нибудь семье, но она точно знала, что из Санкт-Петербурга победителей, кроме нее, нет. Она так и сказала:

– Из Питера никто не летит, папочка...

– Ну... – он развел руками, – сама видишь, никак не получается... Пойдем-ка все же поужинаем. Сегодня мама приготовила твои любимые картофельные котлеты с грибным соусом!

Лизу не обрадовали ни котлеты, ни соус, но ссориться с мамой ей тоже не хотелось. С большим трудом девочка все же проглотила одну котлету, но вкуса ее почти не почувствовала.

Поздравление с днем рождения, которое придумала Лиза для Токаревой, понравилось всем девочкам и самой Марине. Именинница со всеми расцеловалась, угостила конфетами из нарядной коробки и пригласила вечером к себе домой на праздничный ужин. Идти к Марине Лизе не хотелось, настроение у нее было далеко не праздничным, и портить его остальным не стоило. Она отговорила дикой головной болью, в которую все сразу поверили, так как расстроенная Лиза выглядела не лучшим образом.

Из-за невозможности полететь в Вену Лиза так переживала, что стихи, которые обычно из нее изливались сами, больше не рождались, лицо потускнело, уголки губ опустились, она выглядела больной. Мама сменила тактику. Она уже не глядела на дочь сурово, не рубила рукой воздух, не говорила утвердительными предложениями, а прижимала ее голову к своей груди, гладила по волосам и пыталась успокоить. Лиза говорила, что спокойна. Беспокойства она действительно не испытывала, но начать улыбаться никак не могла. Ей казалось, что жизнь дала ей шанс, а она им не смогла воспользоваться. Пусть по объективным причинам, но не смогла ведь... И как же теперь жить дальше? Ее стихи никогда никому не были нужны, кроме тех людей, которые по достоинству оценили их в Австрии. Австрия далеко, а здесь, дома, она по-прежнему никому не нужна... Родители – не в счет...

И однажды Игорь Михайлович не выдержал.

– Да что же это такое! Живем будто в доме покойник! Хоть с работы не возвращайся, честное слово! – как-то прокричал он, бросив на стол, где семья ужинала, вилку.

– А что ты предлагаешь?! – взвилась Лизина мама. – Я не могу оставить больных, можешь ты это понять?! Их не на кого оставить! Вот на кого можно оставить нашу соседку Валентину Петровну?! На кого? Другого терапевта нет! В отпуске! Да Валентина меня из Австрии не дождет! Вот скажите... – она картинно обвела рукой свое семейство, застывшее за столом, – вы... этого хотите?! Этого?!

Какое-то время Лиза с отцом подавленно молчали, а потом Игорь Михайлович сказал:

– Так! Слушайте все и не перебивайте! Говорит глава семьи! Я лично отвезу Лизу в аэропорт, договорюсь с какими-нибудь приличными пассажирами этого же рейса, чтобы они помогли нашей дочери сесть в Вене на такси до отеля – его название мы знаем! А уж там ее встретят – так на сайте написано!

– А в самолете? – зачем-то спросила мама.

– Да что может случиться в самолете-то?! Будет сидеть на своем месте и читать книжку... ну или музыку слушать в наушниках... Три часа всего лететь-то, столько же, сколько ехать на электричке в Сергеево, где живет твоя сестра!

– А потом? – опять задала не очень понятный вопрос Ирина Алексеевна.

– Не знаю, что ты имеешь в виду, но, когда надо будет ехать домой, такси для Лизы может вызвать портье!

– А в самом аэропорту?! Там же все на немецком...

– Весь мир сейчас и на английском говорит! Лиза, думаю, как-нибудь справится! В конце концов, нужные фразы можно заучить или выписать себе на бумажку... ну... или в телефон занести...

Лиза сидела за столом ни жива ни мертва. Она боялась поднять глаза от тарелки, в которой методично и безжалостно мяла вилок в пюре макароны. Несмотря на то что отец только что назвал себя главой семьи, последнее слово все равно всегда оставалось за мамой. Девочка ждала, что будет дальше.

Сначала в кухне довольно продолжительное время висело тягостное молчание, потом Ирина Алексеевна неуверенно произнесла:

– Ну... не знаю...

Это была победа! Лиза тут же бросила свои давленные макароны, подскочила к маме, обняла ее за шею и горячо зашептала в ухо:

– Ну, мамочка! Ну, пожалуйста! Отпусти! Папа правду говорит – все будет хорошо! Я уже не маленькая!

– Не знаю... – с той же интонацией повторила Ирина Алексеевна, но по ее лицу было видно, что она готова сдать свои позиции.

На следующий день Лиза опять прорыдала весь вечер, поскольку мама принесла с работы весть, что ее несовершеннолетняя дочь никак не может лететь в самолете без взрослого человека. Никаким чужим людям ее перепоручать нельзя. Игорь Михайлович тут же полез в Интернет, где узнал, что перепоручить ее все-таки можно, только нужно оформить доверенность, заверенную нотариусом.

– Какая еще доверенность? – Лиза рыдала все громче и громче. – Что я вам, дачный участок или автомобиль?

– Побыла бы немножко автомобилем... – мрачно заметил папа. – Вопрос в том, на кого доверенность написать...

Наверное, Лиза так и не попала бы в Австрию, если бы папин коллега не собрался в Вену с женой и сыном. Именно на него родители Лизы и оформили доверенность. Николай Петрович Семеновский клятвенно обещал не только не спускать с девочки глаз в аэропорту и самолете, но и всячески ей помогать, а после приземления посадить в такси.

Попрощавшись с родителями, Лиза вместе с Семеновскими сдала багаж и прошла все виды контроля. Пятилетний Саша все это время тихо скулил, и девочка подумала, что такого зануду еще свет не видывал. Потом оказалось, что у мальчика некстати разболелось ухо.

– Лиза! Нам надо найти аптечный киоск, похоже, без компресса не обойтись, – озабоченно сказал Николай Петрович. – Ты уж посиди пожалуйста здесь, на скамейке возле магазина... Чего тебе с нами по аэропорту блуждать... Я, конечно, обещал с тебя глаз не спускать, но... словом... ты ведь уже почти взрослый человек... Понимаешь, что ситуация сложилась нестандартная...

– Да, конечно, я все понимаю... и... никуда не уйду... – отозвалась Лиза. – Только если вы разрешите, я бы зашла в этот магазин... чтобы не так скучно было... А потом опять сяду на эту же самую скамейку... Можно?

Когда разрешение было получено, Лиза оказалась в шикарном магазине беспошлинной торговли, который называют дьюти-фри. Сверкающие витрины и обилие товаров вдруг неожиданно привели ее в нервное состояние. Полная свобода от родителей все же была в новинку и поначалу даже показалась некомфортной. Девочка привыкла во всем советоваться с мамой или отцом. А с кем тут советоваться?

Лиза долго боролась с собой, но все же победило страстное желание, и она купила себе маленький флакончик французской туалетной воды. Мама просила ее экономить евро, но ведь все равно надо будет привезти себе какой-то сувенирчик из поездки. Пусть это будет туалетная вода! Девчонки просто умрут от зависти!

Когда на кассе очень красивая девушка – работница магазина – перевела сумму за воду из евро в рубли, Лиза чуть не присвистнула от испуга, но постаралась не подать вида, что так сильно изумлена. Впредь она, конечно, будет сама все просчитывать и действовать экономнее, а то так и на такси из Вены обратно в аэропорт не хватит. Мама, как всегда, оказалась права.

Ожидать Семеновских на скамейке пришлось недолго. Очень скоро они вернулись. Саша уже не скулил. Ухо согревал компресс, и оно, видимо, уже не так сильно беспокоило мальчика.

Самолет австрийской авиакомпании был не слишком большим, мало похожим на наши огромные лайнеры и американские «Боинги». Лизино место оказалось у окна, чему она очень обрадовалась. Перед полетом две хорошенькие стюардессы в красных форменных костюмах и кокетливо сдвинутых набок пилотках показывали и рассказывали, как пользоваться спасательными средствами. Лиза мало что понимала, поскольку немецкого языка не знала, а на английском говорили так быстро, что она успевала улавливать только отдельные слова. На какое-то время ей вдруг стало страшно. Спасательные средства... жилеты... респираторы... А вдруг... Ее же никто не спасет. Семья, которой ее поручили, в случае опасности, конечно же, будет помогать маленькому Саше. Он со своим компрессом на правом ухе чем-то был похож на сказочного персонажа. Языков Лиза не знает... на русском в самолете только поприветствовали пассажиров – и все...

Когда заработали двигатели и самолет начал разворачиваться на взлетной полосе, Лиза прилипла к окну и временно забыла все свои страхи. Она уже летала в Турцию на самолете, но это не помешало ей опять с большим интересом следить за тем, что происходит за иллюминатором. А там, под крылом, возле которого она сидела, родной Питер начал уменьшаться в размерах и постепенно стал превращаться в собственный макет. Девочке казалось, что она даже узнает знакомые места. Потом кукольные домики сменились лесами, полями, их перерезали блестящие ленты рек, карманными зеркальцами сверкали озера и водохранилища. Вид из окна самолета более всего стал походить на географическую карту, а потом обзор полностью закрыли облака. Они лежали перед Лизиными глазами бесконечными ноздреватыми голубыми сугробами. Девочка подумала, что, наверное, так выглядит, например, Арктика.

Полет длился всего три часа, и заскучать Лиза не успела. Ей даже не хотелось читать: нравилось само ощущение полета. Периодически ей закладывало уши, но такое иногда случалось даже на земле, в метро, и потому несколько ее не пугало. Еда, которую перед Лизой поставили в пластиковом контейнере, оказалась вкусной, хотя она так и не смогла понять, что было так обильно залито густым сливочным соусом. На десерт дали абрикосовое суфле, а из напитков Лиза попросила себе чаю. Уж это слово она смогла произнести на английском языке.

Венский аэропорт показался огромным, и Лиза порадовалась, что с ней рядом все-таки были взрослые люди. Пожалуй, одна она растерялась бы и не смогла так быстро найти выход из залов ожидания и стойку для заказа такси.

Помахав на прощание рукой Саше, который продолжал держаться за больное ухо, и поблагодарив его родителей, Лиза села в такси. Таксист оказался крупным жизнерадостным

мужчиной в бейсболке и пухлой безрукавке с многочисленными карманами. Когда такси выехало из-под козырька здания аэропорта, Лизино настроение несколько ухудшилось. Вена встретила ее туманом, в котором терялись очертания города. Таксист попытался с ней поговорить, но Лиза не понимала по-немецки и только виновато пожимала плечами. Когда они въехали на центральные улицы, начали сгущаться сумерки. Их пытались разогнать фонари, но туман уже накрыл город плотным облаком, и перед глазами девочки все сливалось в мутноватую поблескивающую массу, в которой дальше метра ничего уже было не разобрать.

Таксист поставил Лизин чемоданчик возле стеклянных дверей отеля, лимонных, от пробивающегося через них освещения холла, помахал на прощание рукой и уехал. Над входом горели буквы – «Edelweiß», что было названием отеля и горного цветка – эдельвейса. Но даже изображение его белоснежного венчика на Лизу не произвело впечатления. Она вдруг почувствовала себя одинокой и никому не нужной в чужой туманной стране. И зачем она сюда прилетела?

Испуганная и расстроенная, Лиза, подхватив чемодан, робко перешагнула порог отеля. Очень скоро она увидела стойку портье и просторный холл, уставленный мягкими диванчиками, креслами и столиками. За одним из них сидели довольно молодые женщина и мужчина. Завидев Лизу, они приветливо улыбнулись ей и на русском языке пригласили к себе за столик. Это были координаторы проекта «Молодые голоса в Вене». Они предложили называть себя просто, без отчества – Марианной и Кириллом, рассказали девочке о том, что будет происходить на форуме, выдали необходимые документы, проспекты, рекламки, а также бейдж, на котором красовалась лучшая фотография Лизы (она сама ее им отсылала). На бейдже сначала по-русски, а потом латиницей яркими красными буквами было написано: «Елизавета Ромашова. Россия. Санкт-Петербург». У девочки что-то екнуло в груди. Она еще никогда и нигде не представляла ни свой Питер, ни Россию. Она совсем расстроилась, поскольку решила, что всех только опозорит. Нет в ее стихах ничего такого, что было бы достойно Питера и страны. У нее вообще нет патриотических стихов. Она пишет только о себе, о том, что волнует. Впрочем, даже не так... Она просто записывает то, что неожиданно рождается в ее голове. Конечно, иногда приходится что-то в тексте подправить и улучшить, но лишь мелочи. Стихи приходят к ней сами...

Марианна сказала, что соседка Лизы по номеру прилетит только завтра, а потому пока она может устраиваться в отеле самостоятельно, но учитывая при этом, что надо оставить места и для вещей еще одной девочки. Лиза рассеянно покивала головой, взяла у портье ключ и пошла к номеру, который оказался на первом этаже. Настроение ее продолжало ухудшаться. Отель был слишком простым. Совсем не таким блестящим, которые тоже приходилось видеть в кино. Конечно, в Турции они тоже жили в обычном отеле «три звезды», но в нем они только ночевали, а все остальное время проводили на море или на экскурсиях. А здесь ведь придется жить... Впрочем, основные мероприятия будут проводиться в каком-то дворце... Может, все как-то наладится?

Номер тоже был простоватым, но просторным и светлым. Это несколько успокоило. Лиза разложила свои вещи, приняла душ, прилегла на постель сверху покрывала и неожиданно для себя уснула. Наверное, от переизбытка разных впечатлений сегодняшнего длинного и непростого дня. Она несколько раз просыпалась ночью и порывалась встать, чтобы раздеться и залезть под одеяло, но засыпала снова. Утром девочку разбудил звонок телефонного аппарата, который стоял на ее прикроватной тумбочке. Тряхнув головой, чтобы прогнать сон, она сняла трубку и услышала:

– Привет! Ты еще спишь?

От удивления Лиза не могла вымолвить ни слова. Кто мог звонить ей в австрийский отель «Эдельвейс»?

– Это какая-то ошибка... – проямлила Лиза.

– Ну! Вижу, ты и впрямь еще не проснулась! Я твоя соседка по номеру! На ресепшнере сказали, что я должна спросить у тебя разрешения, прежде чем к тебе войти! Так как? Впустишь?

– Заходи, конечно...

Через некоторое время, за которое Лиза успела привести в некоторый порядок постель, повернулась ручка двери, и в номер вошла довольно высокая черноволосая девочка с большим чемоданом.

– Привет! – опять сказала она. – Меня зовут Александрой, а тебя?

– Я Лиза! А тебя так и надо называть? Именно Александрой, не Сашей?

– Сашей – это потом... Если подружмся! – Александра шлепнула на постель свой чемодан, тут же его раскрыла и стала выгружать из него вещи в большом количестве.

Лиза успела сообразить, что эта девчонка странно рассуждает: неужели можно жить в одном номере и не подружиться, но обдумать это как следует не смогла, потому что Александра опять спросила:

– Ты в какой номинации выступаешь?

– У меня стихи... – не слишком внятно проговорила Лиза. Ей подумалось, что она слишком громко называет свое рифмование стихами. Вдруг эта Александра настоящая поэтесса!

– Стихи?! – Соседка по номеру уселась прямо на свои вещи, безжалостно их смяв. – Вот как! У меня тоже стихи! Значит, мы с тобой конкурентки! Это плохо!

– Почему плохо?

– Ой, ну не делай вид, что не понимаешь! – Александра скривила свое симпатичное лицо. – Каждой из нас хочется получить первый приз, разве нет?

– Кроме нас, еще восемь человек претендуют на первое место.

– Ерунда! Я в инете стихи пятерых видела – полный отстой! Как твоя фамилия?

Лиза подумала, что соседка по номеру слишком бесцеремонна, но скрывать свою фамилию не было никакого смысла, и потому ответила:

– Ромашова.

– Ромашова... Ромашова... – задумчиво повторила Александра. – Нет... Твоих стихов не читала. Ты что, не публикуешь их в инете?

– Не публикую.

– Даже в социальные сети не выкладываешь?

– Нет.

– А почему?

Лиза пожала плечами и ответила вопросом:

– А зачем?

– Ну даешь! Ты же зачем-то приехала сюда! Вот скажи, зачем приехала? – продолжила напирать Александра.

– Я никогда не была в Вене. Вообще в Центральной Европе не была. Только в Финляндии и в Турции...

– Скажешь, что приехала просто столицу Австрии посмотреть?

– Не только! Интересно познакомиться с другими, кто тоже стихи пишет.

– А чего в России не знакомилась?

Лиза опять была вынуждена сказать:

– Не знаю... Как-то у меня не получалось...

– Плохо хотела! Вот у меня, например, уже несколько дипломов с российских конкурсов юных поэтов! Так что учти, со мной соревноваться тебе будет трудно!

Лиза улыбнулась и возразила:

– Теперь уж нет смысла соревноваться, разве ты не знаешь? Жюри уже давно все решило, и сегодня мы только узнаем о результатах.

– Плохо читала сайт! Сегодня после награждения победителей будут литературные чтения по номинациям! Будут присутствовать спонсоры и журналисты. Они тоже какой-то приз учредили! Еще вполне можно получить медаль зрительских симпатий, которая, думаю, по значимости не хуже первого места! А если журналистам понравится, возможны публикации и вообще – полет далее!

– А куда уж далее? – удивилась Лиза.

– Публикации – это же известность! Могут быть деньги, приглашения в другие страны! – Александра снисходительно посмотрела на Лизу и спросила: – Слушай, ты, случаем, не из какого-нибудь провинциального Замухинска приехала, если таких простых вещей не понимаешь?

– Я из Питера, – буркнула Лиза.

– Из Питера?! Не похоже! Даже у нас в Минске в этом разбираются! У меня, кстати, есть и Питерский диплом за стихи, и Московский. Кстати, у вас в Санкт-Петербурге ежегодно проводится конкурс «Поэтическая юность»! Почему не участвуешь?

– Не хочу и не участвую! – решительно произнесла Лиза. Она вдруг кожей почувствовала, что с этой девчонкой надо говорить на ее языке. Ни в коем случае нельзя позволить ей превосходства над собой. Задавит! Пусть тоже силу чувствует!

– Ну и... – Лизе показалось, что Александра хотела назвать ее дурой, но, наткнувшись на ее строгий и спокойный взгляд, несколько смутилась и закончила по-другому: – Ну и... зря! Сама о себе не позаботишься – никто о тебе не позаботится!

Лиза посмотрела на часы и обрадовалась тому, что можно сменить тему:

– Уже можно идти на завтрак. Ресторан, как мне вчера сказали, на втором этаже. Пойдем?

– Пожалуй... Подожди, я хоть руки вымою да причешусь.

Ресторан оказался небольшим, как и все в этом отеле. Посетителям предлагался шведский стол. У одной из стен стояли большие блюда с фруктами, колбасами и сырами, миски с салатами, разнообразная выпечка и молочные продукты. Лиза взяла себе йогурт, две булочки для бутербродов, несколько ломтиков сыра и грушу. Александра – примерно то же самое, но еще и пару бананов.

– Неизвестно, когда и где обедать придется, поэтому бананы всегда пригодятся, – объяснила она. Лиза неопределенно пожала плечами.

Выбрав свободный столик, девочки уселись. Лиза спиной к залу, а ее соседка по номеру – лицом. Ресторан постепенно наполнялся посетителями, и Александра с набитым ртом комментировала происходящее:

– Две девчонки пришли. Одна – настоящая крыса! Наверняка публицистику пишет, замечточки всякие! Ой! А вторая – такая цаца! С утра на каблучищах! Эта вполне может и стишки крапать! А вот два парня! Один – ничего такой... Интересный... Второй – так себе... Ой, а этот-то каков! Деревня деревней! И чего такому в Вене делать? Только на балалайке играть! А вот еще двое пришли. Слу-у-у-уша! Такой клевый парень! Ты только взгляни!

– Отстань, – буркнула Лиза, доедая грушу.

– Можешь и не смотреть! Только имей в виду, что на этого я глаз положила, так что даже не думай переходить мне дорогу! Поняла?

Лиза положила недоеденную грушу на тарелку и все же обернулась. Она не увидела ни крысы, ни цацы, ни деревенского парня. В ресторане завтракали обычные девчонки и парни.

– Слушай, чего ты такая злая? – спросила соседку по номеру Лиза. – Все тебе не нравятся! Всех обзываешь!

– Я не злая. Я просто реалистка. Я сразу оцениваю диспозицию и возможных соперников. Надо уметь видеть их слабые стороны, а себя подавать в самом лучшем виде!

– А если тот парень, который тебе понравился, как раз и окажется твоим соперником, тогда что? Где он, кстати?

– Вон тот, что сидит прямо у входа в ресторан, под картиной с яблоками, в бордовом джемпере!

Лиза еще раз обернулась, умудрилась встретиться с этим парнем глазами и сразу их отвела, потому что и ей он сразу понравился: открытое лицо, яркие карие глаза и красивая стрижка густых волос.

– Ничего парень, нормальный, – вынуждена была признать она.

– Вот! А я что говорила! А если он окажется соперником, – начала отвечать на предыдущий Лизин вопрос Александра, – то это тоже ничего. Во-первых, можно и победить, и тогда выглядеть перед ним королевой. А если проиграть, то можно пустить слезу, надавить на жалость, и он – раз – и в кармане! Я тебе обещаю, что из Вены я непременно уеду или с каким-нибудь дипломом, или с медалью зрительских симпатий, или с этим парнем!

– А если он не из Минска?

– Да это я так... к слову! Но я, возможно, потом буду приезжать в его город или он – ко мне. Вот увидишь, он в меня до сумасшествия влюбится! Хочешь – поспорим?

– Давай! – Лиза усмехнулась. Ей уже не терпелось посмотреть на представление по завоеванию Александрой этого симпатичного незнакомца.

– На что?

– А на твою медаль, которую ты хочешь получить!

– А вдруг все же не получу?

– Тогда – «на американку»!

– А это еще что? – удивилась Александра.

– Как?! Ты не знаешь?! Проигравший при споре «на американку» исполняет любое желание победителя! – сообщила ей Лиза. Превосходство теперь уже явственно читалось на ее лице.

– Круто... Но интересно! Так и быть – давай «на американку»! Все равно ты будешь исполнять мое желание!

Девочки схватились за руки и попросили рядом сидящего парня, как раз того самого, которого Александра окрестила «деревней», их разбить. Он разбил и спросил:

– На что спорили-то?

– «На американку»! – тут же отозвалась уже просвещенная Александра.

– А позовите меня, когда кто-то из вас будет исполнять чужое желание! – с улыбкой попросил парень.

– Много чести!

– Ну, гляди не пропору! – послал он ей вдогонку, когда девочки уже выходили из-за стола.

– Наш отель, конечно, не слишком блестящ, – сказала Марианна, когда все участники литературного конкурса «Молодые голоса в Вене» собрались в его холле на первом этаже, – зато находится в десяти минутах ходьбы от исторического центра столицы. Если вы пообещаете не отставать, то мы прогуляемся до дворцового комплекса Хофбург, бывшей резиденции династии Габсбургов. Ныне там официальная резиденция президента Австрии, но не только. Там и музейные здания, и национальная библиотека, и много еще чего другого, с чем познакомитесь позже. Как раз напротив здания библиотеки, на площади Йозефплац, находится дворец Пальфи. Назван он по имени своих владельцев и впервые упоминается в архивах аж XIV века. С тех пор он, конечно, неоднократно перестраивался, менял владельцев. Сейчас в этом здании устраиваются выставки, проводятся концерты и всяческие мероприятия. Мы арендовали несколько залов дворца для проведения награждения победителей нашего конкурса и

последующих литературных чтений. Думаю, вам там будет очень уютно. Итак! Вы обещаете не отставать?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.